

Социология

УДК 316.7

А.Ф. Васильев

КУЛЬТУРА ЧЕСТИ В КОНЦЕПЦИИ Р. НИСБЕТТА И Д. КОЭНА

В статье предлагается обзор исследований Р. Нисбетта и Д. Коэна, посвященных «культуре чести», прежде всего их книги «Культура чести: Психология насилия на Юге», а также краткий анализ основных критических оценок этих работ. Книга Р. Нисбетта и Д. Коэна считается образцовым, если не классическим, исследованием такого сложного явления, как честь, в котором авторы удачно сочетают методы различных социальных наук. Они показывают, что культура чести присуща не только средиземноморским или племенным обществам, но и целому региону современных США и что ее существование связано с повышенным уровнем насилия, поскольку она легитимирует его во многих распространенных обстоятельствах. Культура чести стала приниматься как одно из основных объяснений насилия на юге США и в других регионах. Вместе с тем предложенное авторами объяснение возникновения и устойчивости этой культуры, по мнению критиков, аргументировано слабее и нуждается в дальнейшем обосновании.

Ключевые слова: честь, культура чести, Р. Нисбетт, Д. Коэн, насилие, социология культуры, культурные объяснения в социальной теории.

Введение

Феномен чести привлекает внимание эмпирических исследователей по крайней мере с 1960-х годов [1]. Долгое время первенство в ее изучении принадлежало этнологам и антропологам [2]. Систематический интерес более широкого круга исследователей – социологов, социальных психологов, историков, криминологов, экономистов начинается с середины 1990-х, с серии работ Р. Нисбетта, Д. Коэна, в первую очередь с их книги «Культура чести: Психология насилия на Юге» [3-9].

Возможно, одна из причин такого поворота – широта подхода Нисбетта и Коэна к самому пониманию чести. Антропологические исследования были погружены в специфику каждой отдельной культуры, их выводы трудно поддавались сравнению. Нисбетт и Коэн сразу определяют честь как репутацию силы и решительности, а культуру чести – как такую культурную среду, в которой защита этой репутации с применением насилия легитимна или даже социально одобряема. Тем самым они находят некий общий знаменатель разных «культур чести», достаточно узнаваемый в как честь и поддающийся количественному сравнительному изучению.

Другое ключевое новаторство Нисбетта и Коэна связано с междисциплинарным подходом к чести. Они используют методы историко-архивного исследования, социологического опроса и анализа статистических данных, социально-психологического и социологического «полевого эксперимента».

Применение этих методов позволило Нисбетту и Коэну утверждать, что для американского Юга характерна культура чести, которая отсутствует на Севере, что она и объясняет повышенный уровень насилия в этом регионе, что культура чести пришла в Америку вместе с иммигрантами с кельтских окраин Великобритании и нашла благоприятную почву на Юге и что основные факторы, способствующие развитию и распространению этой культуры, – скотоводство как основной экономический уклад, бедность и слабые государственные институты.

Если не считать единичных кратких упоминаний, исследования Нисбетта и Коэна о чести не известны русскоязычному читателю, поэтому прежде всего изложим основные аргументы и выводы их работ. После этого рассмотрим основные критические отзывы и попытки репликации полученных выводов.

Происхождение культуры чести

Вопрос, который возникает прежде всего: как формируется культура чести, почему она есть в одних обществах и отсутствует в сколько-нибудь выраженном виде в других, и как она могла появиться на американском Юге? Согласно Нисбетту и Коэну, репутация силы и решительности становится критически важной при сочетании трех условий. Во-первых, экономические ресурсы должны

быть недостаточными и ненадежными. Во-вторых – они должны быть легко отчуждаемыми. В-третьих – должна отсутствовать эффективная государственная власть. В таких условиях слишком велик соблазн поживиться за счет других и репутация человека сильного (способного постоять за себя и готового наказать обидчика) становится жизненной необходимостью, поскольку она заставляет потенциального агрессора выбрать себе другую жертву.

Именно такие условия создаются в традиционных скотоводческих культурах. Скот, в отличие от урожая и тем более самой земли, можно легко увести и присвоить, и, поскольку скотоводство обычно связано с удаленностью от центров власти и низкой плотностью населения, государство редко могло полноценно контролировать ситуацию в этих регионах.

Какое все это имеет отношение к США? Согласно Нисбетту и Коэну, культуру чести принесли в Америку в XVIII в. мигранты с кельтских окраин Великобритании: шотландцы и ирландцы, особенно так называемые *ирландские шотландцы* (потомки шотландцев, переселившихся в Ольстер в конце Средневековья и в начале Нового времени). Будучи прежде всего скотоводами, они были ярко выраженными представителями культуры чести. В южных регионах США, куда они постепенно переместились, они нашли благоприятные природные условия для сохранения традиционного образа жизни; государство на Юге также было более слабым: по сути, Юг долгое время был таким же фронтиром, пограничьем, каким был всем известный Дикий Запад. Исторические свидетельства, собранные авторами, подтверждают наличие культуры чести еще до Гражданской войны и даже до широкого распространения рабства на Юге.

Культура чести и насилие

Основная гипотеза Нисбетта и Коэна состоит в том, что культура чести сохранилась до сих пор и что именно она объясняет известный факт повышенного уровня насилия, в частности уровня убийств, на Юге США в сравнении с Севером.

Первое направление аргументации основано на статистике убийств. Если основная гипотеза верна, то отличия Севера и Юга должны быть наиболее сильными в сельских районах и небольших городках, поскольку там должна была лучше сохраняться традиционная культура, и быть менее заметными в мегаполисах. Кроме того, эти различия должны прослеживаться только среди белых. Наконец, культура чести должна повышать количество «экспрессивных» убийств на почве личных конфликтов (любовные треугольники, пьяные ссоры), но не должна влиять на «инструментальные» убийства, совершенные в контексте уголовных преступлений (грабежей, изнасилований). Статистический анализ полностью подтверждает эти предположения.

Одно дело – найти повышенный уровень убийств, другое дело – связать его с большей терпимостью к насилию или с прямым его одобрением, как того требует теория культуры чести. Отсюда вторая линия аргументации, исходящая из данных опросов об отношении к разным видам насилия. Белые южане чаще, чем белые северяне, одобряют насилие, и это касается только насилия, связанного с защитой чести, в остальном отношении к насилию не отличается от отношения северян.

Данные опросов не всегда соответствуют реальному отношению и фактическому поведению, поэтому желательно было экспериментально подтвердить готовность к применению насилия в ситуациях, когда репутация силы и решительности оказывается под угрозой. С этой целью Нисбетт и Коэн провели целую серию экспериментов, которые стали основной изюминкой книги.

Общая часть всех экспериментов такова: испытуемый должен был заполнить анкету и отнести ее на стол в конце узкого коридора. В коридоре стоял шкафчик с выдвижными ящиками, у которого находился «работник фотолаборатории» (сотрудник экспериментатора). Чтобы пропустить испытуемого, ему надо было задвинуть ящик, в котором он что-то «искал». Когда через несколько секунд испытуемый возвращался назад, его нужно было пропустить снова, и «лаборант», уходя, громко хлопал ящиком, сталкивался с испытуемым плечом, обзывал его придурком и уходил в «фотолабораторию». Еще двое сотрудников под видом студентов с разных сторон оценивали реакцию испытуемого. В контрольных группах в коридоре никого не было.

В первом эксперименте сравнивали видимую реакцию северян и южан на оскорбление. Если две трети северян были в большей степени позабавлены произошедшим, чем рассержены, то у 85 % южан реакция была обратной: гнев преобладал над недоумением. В дополнение к этому исследователи измеряли уровень враждебности северян и южан, заставляя их дополнять недостающие буквы в словах (слова были подобраны так, что в предложенных комбинациях букв можно было увидеть, как

нейтральное слово, так и слово, связанное с агрессией: *_ight* можно превратить как в *light*, «свет», так и в *fight*, «драка»). Кроме того, с той же целью их просили угадать эмоции по выражению лица на фото и закончить две гипотетические истории. В одной истории «скорая помощь» спасет человека, и надо было придумать начало. В другой истории невеста на вечеринке жалуется жениху на приставаания со стороны их знакомого Ларри, который знает, что они помолвлены; жених следит за Ларри и видит, как тот пытается поцеловать невесту, следовало придумать конец истории). Результат: северяне и южане из экспериментальной и из контрольной групп одинаково дополняли слова и одинаково распознавали эмоции на фото. Разница появилась только в том, как заканчивали историю с женихом и невестой. Если среди северян из обеих групп примерно половина испытуемых придумывала какие-то насильственные действия со стороны жениха, а среди южан из контрольной группы – только каждый пятый, то среди южан, подвергшихся оскорблению, 75 % сочинили насильственный сценарий. Иными словами, обида ведет к росту агрессивных мыслей только у южан, и это касается только той агрессии, которая направлена на защиту чести.

Во втором эксперименте до и после похода по коридору у испытуемых измерялся уровень гормонов кортизола и тестостерона в слюне. Известно, что уровень тестостерона повышается в предвидении борьбы за доминирование, а уровень кортизола повышается вообще при стрессе, тревоге или возбуждении. Результат: у оскорбленных южан уровень кортизола подскакивал вдвое сильнее, чем у остальных групп (т. е. чем у южан из контрольной группы и у северян из обеих групп), а уровень тестостерона – в три раза сильнее.

В третьем эксперименте, после оскорбления от «фотолаборанта», на другом конце коридора появлялся очень крупный студент-футболист и решительно направлялся навстречу испытуемому. Коридор был так уставлен столами, что избежать столкновения можно было только посторонившись. Футболист (сотрудник экспериментатора) должен был оценить расстояние, на котором испытуемый уступит ему дорогу. Обычно более вежливые южане, в контрольной группе уступавшие дорогу уже за три метра до футболиста, в экспериментальной группе отступали буквально в последний момент, в метре от столкновения. На северян обида влияла гораздо слабее: вместо двух метров они отступали дорогу в полутора метрах. Дополнительно после похода по коридору испытуемый должен был предположить мнение другого «испытуемого» (помощника экспериментатора) о себе. Если этот помощник был свидетелем столкновения, то южане предполагали, что его мнение об их мужественности сильно пострадало, в отличие от северян, которые не связывали свою мужскую репутацию с произошедшим. При этом обиженные южане крепче пожимали ему руку и вели себя более вызывающе, чем южане из контрольной группы или северяне.

Эксперименты убедительно показывают, что южане сильнее реагируют на оскорбление, и это проявляется как на когнитивном, так и на эмоциональном, поведенческом и даже физиологическом уровне.

Если более терпимое или даже позитивное отношение к некоторым видам насилия – культурная особенность Юга, то отличия от Севера должны быть закреплены институционально, на уровне «коллективных репрезентаций». Проявления культуры чести должны быть частью явных или неявных «правил игры».

И действительно, в южных и западных штатах втрое меньше законодательных ограничений на владение огнестрельным оружием, чем в северных; конгрессмены от южных штатов реже поддерживают эти ограничения на федеральном уровне, они также получают больше пожертвований от оружейных ассоциаций. Отличаются и законы о необходимой самообороне: в южных и западных штатах убийство нападавшего чаще признается необходимой самообороной, даже когда была возможность избежать убийства ценой бегства или выполнения некоторых требований агрессора. Конгрессмены от южных штатов чаще поддерживают военные решения и другие жесткие меры во внешней политике.

Самая оригинальная часть аргументации здесь снова экспериментальная. В ходе одного из полевых экспериментов были разосланы сотни писем работодателям по всей стране, к которым прилагалось хорошее во всех отношениях резюме с единственным изъяном. В половине случаев «кандидат» признавался, что отсидел срок за то, что убил в драке своего знакомого, который хвастался, что спал с его невестой. В другой половине случаев он признавался, что отсидел срок за кражу автомобиля. Ответы южных фирм характеризовались большей готовностью помочь кандидату, совершившему убийство чести (дать контакты нужных лиц, сообщить наиболее удобное время приезда и т. п.), и более теплым общим тоном ответного письма. Ответы северных фирм были более благоприятны по отношению к угонщику, чем к убийце.

В ходе другого эксперимента в вузовские газеты по всей стране разослали два списка вымышленных фактов с просьбой написать на их основе связные истории, как бы они сделали это для себя, за соответствующую плату. Первый список фактов описывал некоего Виктора, который ударил ножом Мартина, публично словесно оскорблявшего сестру Виктора. Второй список фактов касался другого насильственного преступления, не связанного с честью. Контент-анализ 94 ответов показал, что в истории с защитой чести газеты южных и западных вузов чаще акцентировали тот факт, что Виктора спровоцировали, северяне сильнее подчеркивали отягчающие обстоятельства. В целом южане освещали преступника в более позитивном свете, смягчая его виновность.

Альтернативные объяснения

Нисбетт и Коэн рассматривают альтернативные объяснения повышенного уровня насилия на Юге, но настаивают, что объяснение насилия через культуру чести лучше всего соответствует эмпирическим фактам. Первое из возможных альтернативных объяснений – бедность. Известно, что южане в среднем беднее северян. Но Нисбетт и Коэн показывают, что южане совершают больше убийств даже при равном уровне дохода. Кроме того, отношение к насилию почти не зависит от дохода. И наконец, в ходе экспериментов реакции южан отличались от реакций северян, несмотря на то что южане, попавшие в выборку, в среднем были даже более обеспеченными.

Второе правдоподобное объяснение насилия – наследие рабства. Рабов надо было держать в повиновении, насилие против них должно было быть легитимным, что могло распространиться на отношении к насилию вообще как способу решения проблем. Тем не менее, согласно Нисбетту и Коэну, в южных округах наибольший уровень убийств фиксируется там, где в прошлом было меньше рабов; для Запада США характерно сходное с Югом отношение к насилию, несмотря на отсутствие рабства; южане терпимее относятся именно к насилию, связанному с защитой чести, а не к насилию вообще.

Наконец, известно, что повсюду в более жаркие дни и времена года совершается больше насильственных преступлений. Не может ли эта простая закономерность отвечать за разницу между более теплым Югом и холодным Севером? Согласно Нисбетту и Коэну, это может объяснить только часть этого различия: температура увеличивает насилие на проценты, а уровень насилия на Юге в разы выше, чем на Севере. Кроме того, температура не объясняет повышения насилия именно в небольших городках и в сельской местности, и именно среди белых.

Оценки и критика

Серия работ Нисбетта и Коэна, увенчанная монографией, считается если не классическим, то образцовым исследованием социально-психологического явления, без учета которого трудно сегодня говорить как о чести, так и вообще о культурных факторах социальных изменений. Особенно высокой оценки заслужили методологические аспекты работы – триангуляция настолько разнообразных методов не часто встречается в социальных науках [10; 11].¹ Даже критики признают, что Нисбетт и Коэн задали «методологическую и теоретическую модель развития интегрированного изучения культуры, социальной структуры и поведения» [11. Р. 982]. Но, хотя социальный антрополог А. Фиске счел представленную аргументацию неоспоримой [8, обложка], не все выводы и предположения авторов были приняты.

Само существование культуры чести на американском Юге и связь ее с повышенным уровнем насилия можно считать надежно установленным фактом. Так, Хэйес и Ли [13] в рамках общеамериканской выборки сопоставляют ценностные установки по отношению к насилию, с одной стороны, и южное происхождение, пол, расовую принадлежность и проживание в сельской местности – с другой. Контролируя возраст, образование и доход, они находят, что белые мужчины-южане, живущие в сельской местности, действительно более склонны одобрять насилие в гипотетических сценариях, связанных с защитой чести. Ли с коллегами [14] берут в качестве зависимой переменной уже не установки, выявленные в опросах, а уровень убийств. Цель – убедиться, что насилие объясняется именно культурой, а не структурными переменными вроде уровня бедности или уровня неравенства. Для этого они проанализировали связь между долей белых южного происхождения и уровнем убийств на

¹ В качестве редкого примера можно вспомнить работу Р. Патнэма [12].

почве личных конфликтов и подтвердили наличие прямой зависимости. Особенно сильной она была для сельских округов. Результаты сохраняются при контроле за уровнем бедности, долей безработных, долей семей без отцов, долей черных, долей молодежи от 18 до 24 лет и несколькими другими известными предикторами насилия. Важно, что результаты сохраняются и при выходе за географические пределы Юга: для всей территории США чем выше процент южан в округе, тем выше уровень убийств в ссорах. Таким образом, было показано, что уровень насилия связан не с местом (и значит, например, не с качеством институтов или уровнем неравенства), а с культурными характеристиками населения. И. Альтхеймер находит, что (уже на международном уровне) культура чести влияет на уровень убийств сильнее, чем что бы то ни было другое [15].

Основное обсуждение развернулось вокруг объяснения причин развития и сохранения этой культуры. Наиболее спорным оказался тезис о связи культуры чести со скотоводством. Нисбетт и Коэн признают, что это – самое слабое место в их теории [8. Р. 88]. Действительно, основное внимание они уделяют обоснованию связи между уровнем насилия и культурой чести, и гораздо хуже аргументировано объяснение культуры чести преобладанием скотоводства [11]. Р. Чу с коллегами [11] поставили целью проверить эти результаты, используя более надежные данные по убийствам и более глубокий статистический анализ. Кроме того, если Нисбетт и Коэн брали в качестве контроля уровень бедности населения в целом, без разделения на расы, то Чу использует данные по уровню бедности белых. В результате именно он, по мнению авторов, и объясняет статистику убийств. Тем самым связь между скотоводством и культурой чести не подтверждается.

Отвечая на критику Чу, С. Месснер, Р. Баллер и М. Цевенберген [16; 17] используют более валидные индикаторы роли скотоводства. Нисбетт и Коэн, как и Чу с коллегами в попытке воспроизвести их результаты, исходят из того, что скотоводство должно было исторически преобладать в тех округах Юга, где для земледелия либо слишком засушлив климат, либо рельеф слишком гористый. Месснер с сотр. измеряют роль животноводства более прямо – как количество того или иного скота на душу населения. Они используют данные за то время (1850 г.), когда скот разводили только на открытых пастбищах, что и делало его уязвимым для хищений и могло порождать культуру чести. Авторы приходят к выводу, что с учетом этого сегодняшней (1983–1998 гг.) уровень убийств на почве ссор и межличностных конфликтов среди белых на Юге слабо, но все же значимо и позитивно зависит от экономической роли скотоводства. Он также обратно зависит от роли земледелия, которое рассматривается как барьер для распространения культуры чести. Роль земледелия измерялась как составной индекс земледельческого производства (для одних сельскохозяйственных культур использовались данные по урожаю, для других – выручка от продажи; все на душу населения, на уровне округов). Контролировались другие факторы, предположительно способные повлиять на уровень убийств: процент рабов в 1850 г., а также современные уровни доходов, неравенства, безработицы, неполных семей, городского населения.

Интересно, что если провести тот же анализ для убийств, совершенных в контексте грабежей, угонов автомобилей, изнасилований и других уголовных преступлений (т. е. убийств, не связанных с защитой чести), то связь между убийствами и исторической ролью скотоводства исчезает.

И. Альтхеймер [18] пытался подтвердить «скотоводческую» версию происхождения культуры чести в более широком международном контексте. На выборке из полутора сотен стран он искал связь между поголовьем животных и уровнем убийств. Значимая и устойчивая связь обнаружилась только для поголовья овец, но связь была обратной по сравнению с гипотезой Нисбетта и Коэна: чем больше овец, тем ниже уровень убийств (при прочих равных условиях). Искомая зависимость не проявляется, даже если брать отдельно государства с низким качеством управления или страны с низким уровнем экономического развития. Отчасти эти негативные результаты можно объяснить тем, что использовались суммарные показатели уровней убийств, без разделения на «экспрессивные» (потенциально связанные с честью) и «хищнические» (убийства в контексте других преступлений). Но, по мнению Альтхеймера, это не должно было значительно повлиять на результат, потому большинство убийств во всем мире относится именно к «экспрессивной» категории² и их рост не может сказаться на общем уровне убийств.

С другой стороны, подтверждается роль слабых государственных институтов в возникновении и распространении культуры чести. Интересно, что, согласно П. Гросджину, качество институтов на

² В США это, по разным данным, от 62 % до 80 % убийств; для сравнения: в Удмуртии 45 % убийств совершается на почве личных ссор [16. Р. 36].

сегодняшний день само по себе не отражается на уровне убийств, оно работает только через культуру чести [19. Р. 23]. Чем слабее исторически были институты в том или ином округе, тем сильнее исторический процент кельтского населения (на 1790 г.) влияет на современный уровень убийств. За грубые индикаторы качества институтов Гросджин берет время «инкорпорации» округа (чем старше округ, тем лучше для институтов) и количество газет на душу населения в 1840 г. В наиболее молодых округах с наименьшим числом газет прирост кельтского населения на каждые 15 % дает прирост убийств на 15–18 %. В наиболее старых округах с наибольшим числом газет уровень убийств сегодня не зависит от доли «ирландских шотландцев» [19].

Сразу в нескольких работах подтверждается и роль кельтских мигрантов в распространении культуры чести на Юге. Кроме упомянутой работы Гросджина [19], С. Месснер с коллегами [16; 17] находят, что современный уровень убийств на почве ссор и межличностных конфликтов среди белых на Юге прямо зависит от процента «ирландских шотландцев» в 1850 г. Интересно, что доля кельтского населения измерялась как процент пресвитерианских церквей в том или ином округе, поскольку в те годы эта христианская деноминация ассоциировалась почти исключительно с кельтскими выходцами из Великобритании и их потомками.

Если культура чести возникает в условиях анархии и нехватки ресурсов, которые характерны для скотоводческих обществ, то почему культура чести до сих сохраняется на Юге США? Нисбетт и Коэн считают, что имеет место значительная «культурная инерция» (объясняемая, например, передачей соответствующих ценностей в процессе социализации), и даже предполагают, что культура чести может сохраняться в более или менее неизменном виде еще достаточно долгое время.

Это представление о культурной инерции оспаривают М. Дэйли и М. Уилсон [20]. Они допускают, что корни южной культуры чести могут быть в скотоводческой экономике и слабом государстве, но считают, что сегодня эта культура сохраняется не в силу порочного круга социализации и общественного одобрения, а по причине более материальных факторов, и предлагают один такой фактор: уровень экономического неравенства.

Заключение

Нисбетт и Коэн сделали существенный шаг вперед в понимании такого сложного явления, как честь. Используя сочетание методов нескольких социальных наук, они показали, что культура чести присуща не только средиземноморским или племенным обществам, но и целому региону современных США и что ее существование связано с повышенным уровнем насилия, поскольку она легитимирует его во многих распространенных обстоятельствах.

Работа Нисбетта и Коэна стимулировала другие исследования чести. Р. Браун, отдавая долг Нисбетту и Коэну как своим вдохновителям, занимается влиянием чести на другие аспекты социальной жизни, помимо уровней насилия (например, он выявил ее влияние на имена, даваемые детям) [21]. Он же с коллегами разработал первый валидный инструмент для кросс-культурного измерения чести [22], что открывает новые возможности ее изучения. Одна из очевидных проблем – культура чести в России. Если справедлива теория, связывающая культуру чести с исторически низким качеством институтов, то в России должна существовать ярко выраженная культура чести. Пока исследований на эту тему явно недостаточно [21; 23; 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Honor and shame: The values of Mediterranean society / ed. by J. G. Peristiany. London: Trinity Press, 1965. 268 p.
2. Honor and Grace in Anthropology. Cambridge: Cambridge university press, 1992. 256 p.
3. Nisbett R. Violence and U.S. Regional Culture // *American Psychologist*. 1993. Vol. 48. P. 441-49.
4. Cohen D., Nisbett R. Self-Protection and the Culture of Honor: Explaining Southern Violence // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Vol. 20. P. 551-67.
5. Nisbett R., Polly G., Lang S. Homicide and U.S. Regional Culture // *Social and Cultural Aspects of Interpersonal Violent Behavior*, Springer Verlag. 1995. P. 135-51.
6. Cohen D. Law, Social Polity, and Violence: The Impact of Regional Cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 70. 1996. P. 961-78.
7. Cohen D., Nisbett R., Bowdle B., Schwarz N. Insult, Aggression, and the Southern Culture of Honor: An “Experimental Ethnography” // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. P. 945-60.
8. Nisbett R. Cohen D. *Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South*. Westview Press, 1996.

9. Cohen D. Culture, Social Organization, and Patterns of Violence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75. P. 408-19.
10. Messner S. Review of Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South. by Richard E. Nisbett; Dov Cohen // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 102, no. 4. P. 1225-1227.
11. Chu R., Rivera C., Loftin C. Herding and Homicide: An Examination of the Nisbett-Reaves Hypothesis // *Social Forces*. March 2000. Vol. 78 (3). P. 971-987.
12. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 288 с.
13. Hayes T.C., Lee M.R. The southern culture of honor and violent attitudes // *Sociological Spectrum*. 2005. Т. 25, № 5. С. 593-617.
14. Lee M.R., Bankston W.B., Hayes T.C., Thomas S.A. Revisiting the southern culture of violence // *Sociological Quarterly*. 2007. Vol. 48. P. 253-275.
15. Altheimer I. Cultural processes and homicide across nations // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2013. Т. 57. №. 7. С. 842-863.
16. Messner S., Baller R., Zevenbergen M. The Legacy of Lynching and Southern Homicide // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. P. 633-55.
17. Baller R., Zevenbergen M., Messner S. The heritage of herding and southern homicide: Examining the ecological foundations of the code of honor thesis // *Journal of Research in Crime & Delinquency*. 2009. Vol. 50. P. 261-276.
18. Altheimer I. Herding and Homicide Across Nations // *Homicide Studies*. 2013. Vol. 17 (1). P. 27-58.
19. Grosjean P. A history of violence: The culture of honor and homicide in the US South // *Journal of the European Economic Association*. 2014. Vol. 12 (5). P. 1285-1316.
20. Daly M., Wilson M. Cultural Inertia, Economic Incentives, and the Persistence of "Southern Violence" // *Evolution, culture, and the human mind*. New York: Taylor and Francis, 2010. P. 229-241.
21. Brown R.P. Honor bound: How a cultural ideal has shaped the American psyche. Oxford University Press, 2016.
22. Barnes C.D., Brown R.P., Osterman L.L. Don't tread on me masculine honor ideology in the US and militant responses to terrorism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. P. 1018-1029.
23. Basáñez M. A world of three cultures: honor, achievement and joy. Oxford University Press, 2016. 388 p.
24. Kollmann N. S. By honor bound: State and society in early modern Russia. Cornell University Press, 1999. 296 p.

Поступила в редакцию 15.01.18

A.F. Vasilyev

R. NISBETT AND D. COHEN'S CULTURE OF HONOR THEORY

The paper reviews R. Nisbett and D. Cohen's works on the culture of honor hypothesis culminating in their monograph, *Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South*, which is little known in Russia. A brief analysis of critical reception of this body of research is also offered. The book is considered a standard, if not a classic study of the complex phenomenon of honor utilizing a whole array of methods from several social and behavioral sciences. The authors of the book showed that the culture of honor exists not only in Mediterranean or tribal societies, but in a major region of the modern USA, and that it is connected to heightened levels of violence, since honor makes it more legitimate in many common circumstances. Culture of honor came to be accepted as one of the main factors behind the violence in the US South as well as in other regions of the world. However, the authors' explanation of culture of honor development and persistence, in some critics' opinion, is much weaker argued and still needs to be corroborated.

Keywords: Honor, culture of honor, R. Nisbett, D. Cohen, violence, sociology of culture, cultural explanations in social theory.

Васильев Андрей Флорович,
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Института истории и социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: andrey.vasilyev@gmail.com

Vasilyev A.F.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at the Department of Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: andrey.vasilyev@gmail.com